

*Г. С. Батыгин*¹
Этика дела и/или этика долга

Следует прежде всего обозначить топику, в пределах которой возможно судить о существовании нравственного выбора. «Рынокфобия», «рынокфилия» и сам «рынок» являют собой в данном контексте не просто общественное мнение о рынке, но парафраз архитипичного нравственного решения: чем руководствоваться в своих поступках – долгом или склонностью. Или иначе, есть два пути: широкий и узкий. Один ведет к зависимости человека от внешних обстоятельств («рыба ищет, где глубже...», «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»); другой – свободная воля – сам есть путь, и истина, и жизнь. Поэтому прежде, чем рассуждать о степени полноты и силы предложенных ценностных суждений «про» и «контра», об их мировоззренческих основаниях, следует разграничить, с одной стороны, вербальные и «смутные» образы рынка, бытующие в массовом сознании, где рыночная и антирыночная альтернативы переводятся на язык нравственно-оценочных установок и диспозиций, а с другой – формирование нравственного конфликта внутри каждого из этих двух (?) типов социальной организации. Здесь допустимо некоторое, на мой взгляд, простительное нарушение инструкции эксперту для того, чтобы поставить вопрос об основаниях отождествления оппозиции «рынокфилия – рынокфобия» с нравственным выбором. По крайней мере, такие основания сами нуждаются в основаниях.

В общественном мнении критерии нравственной оценки рынка формируются предрассудочно, примерно так же, как формировались схемы абстрактно-базарного вывода, приведенные Гегелем в статье «Кто мыслит абстрактно?»: если ты говоришь, что у меня яйца тухлые, то твоя мать проститутка, отец умер в канаве, и сама ты шлюха (прошу простить вольное переложение канонического текста). Аналогичным образом протекают нынешние дискуссии о мировоззренческих основаниях и последствиях рынка, в любом случае они оформлены в нравственно-идеологическую терминологию. Иное дело, раз-

¹ Батыгин Г.С. Этика дела и/или этика долга // На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. Материалы экспертного опроса. 1991. С. 47-54.

говор о том, как повлияет рынок на генезис и саморазвертывание нравственного выбора. Ведь не исключено, что присутствуем мы у основания очередного безумного метаморфоза: «Мы никогда не были так свободны, как во времена застоя». Тогда каждый был тем, кто он есть на самом деле, и фальшивый декор, в том числе нравственный, воспринимался как фальшивый декор. Рынок может внести дополнительные абerrации в уже искривленную оптику путем создания самых настоящих фантомов-фальшценностей. Рынок (или квазирынок) способен создать настоящие фальшивки типа «этика бизнеса» как разновидности мошенничества и блефа. Чтобы проиллюстрировать такого рода превращения позволю себе реминисценцию из давнего новомирского «Очерка об очерке» Ю.Черниченко. Так вот: раньше на курортах Минвод всем и каждому можно было сфотографироваться в виде лихого джигита в белой папахе и черкеске, с шашкой и на боевом коне. Сзади, как и положено, белели отроги главного Кавказского хребта. Для получения такого впечатляющего изображения достаточно было сунуть физиономию в отверстие на листе фанеры, где были намалеваны джигит и конь на фоне отрогов, и смотреть на фотографа орлом. Сейчас ситуация кардинально переменялась. И конь, и белая папаха, и шашка, и орлиный взгляд, и вся физиономия псевдоджигита стали совершенно настоящие, без обмана. Можно только вспоминать о том наивном светлом очаровании, которое несли в себе изображения джигита и его боевого коня на листе фанеры – они были подлинными, потому что не могли, да и не хотели никого обманывать. Когда же все стало настоящим, замысел происходящего (то есть истина и правда вместе взятые) стал доступен только тому, кто сам знает, как эти штучки делаются. Так что по поводу нравственности рынка и безнравственности тоталитаризма бабушка надвое сказала (в данном случае под бабкой я разумею себя).

Первый этап экспертизы

Оценить степень полноты предложенных оппозиций для описания «рынкофобии» и «рынкофилии» можно как вполне достаточную. При этом все описания изложены в идеологем и в данном отношении получают осмысленность (идеологемы не переводятся и не транспонируются). Соотношение Добра и Пользы, Интереса и Идеала, индивидуализма и коллективизма, хищничества и порядочности т.п. можно обсуждать без особых сомнений в осмысленности такого занятия на съезде народных депутатов, в университетской аудитории,

на митинге, в газетной статье. Идеологемы, кроме всего прочего, обладают удивительной способностью создавать превращенные формы социальной реальности: достоинство здесь просит подаяния, глупость предстает в маске мудреца-пророка, простота слывет глупостью, и сама праведность служит пороку.

Продолжим этот немыслимый шекспировский ряд историческими наблюдениями: самые отчаянные борцы за свободу превращаются в оголтелых тиранов, высокоморальные люди становятся причиной неисчислимых бед, и самые последовательные теоретики рынка ввели недавно тотальную карточную систему. Подобного рода перевертыши означают даже не «превращение», а метаморфоз в том смысле, что Зевс не стал быком, а принял вид прекрасного белого быка, и Нарцисс, равнодушный к нимфе, сохранил свой самодовлеющий эйдос в белом цветке. Так, и добро, и зло, и «рынкофилию», и «рынкофобию» имеет смысл описывать не только в терминах идеологем, но и в терминах проективных ситуаций, демонстрирующих выбор стиля поведения в различных «игровых пространствах».

Попробуем проиллюстрировать возможности идеологического и проективного описания «рынкофилии» и «рынкофобии». Речь идет уже об оценке реальной силы, влияния того или иного совокупного суждения. Самая сильная из всех шести оппозиций – Добро и Польза. Данная оппозиция образует краеугольный камень этического менталитета. Добро обречено на то, чтобы оберегаться от Пользы. Действительно, «на долю бесполезного, невыгодного, бескорыстного выпадает равнодушие, в лучшем случае – унижительная жалость». Спор этот длится по меньшей мере два с половиной тысячелетия, и с тех пор ничего не добавилось к резюме Фразимаха Халкидонского, что самое лучшее – быть несправедливым, но прикидываться справедливым. Так и от врагов избавишься, и друзей облагодетельствуешь. Во всяком случае, добро редко остается безнаказанным. Можно вспомнить разъяснения Дж. Милля насчет правильного понимания утилитаризма и «недовольного Сократа», веберовскую трактовку категорического императива как мирского служения и т.п. Но остается ясным, что все оппозиции «рынкофобии» и «рынкофилии» снимаются на уровне идеологем путем разъяснений, что такое добро, польза, интерес, идеал, свобода, индивидуальность, делец-пассионарий и т.п. Снимается и необходимость нравственного выбора, который, как

правило, дает человеку шанс явить автономию воли, стать свободным и на рынке, и в лагере, и на необитаемом острове.

Нравственные оппозиции, по всей вероятности, лучше всего искать в критериях нормативности, принятых в той или иной системе координат, когда осуществляется проекция выбора линии поведения. В дополнение к предложенным оппозициям имеет смысл ввести еще одно измерение, которое можно назвать жизненной схемой. Жизнь человека, руководствующегося эталонами рыночной деловой морали, подчинена жестким дисциплинарным правилам, соблюдение которых легитимизирует его социальные роли. Эти правила обладают силой внутренних императивов, безразличных к внешним обстоятельствам, и, по существу, являют собой автономную волю, реализованную в «мирском служении». Человек должен неукоснительно соблюдать свои обязательства, тщательно калькулировать каждую минуту своего времени, никогда не трата его на пустяки, то есть бесполезно.

Каждый отвечает за себя, поэтому нельзя вмешиваться в дела ближних. Вряд ли возможно придумать правдоподобную противоположную версию – версию «антирыночного» жизненного стиля. Неправдоподобную же версию придумать можно: непрерывные размышления о последних причинах бытия, изматывающее безделье, постоянная борьба со злом в трудовом коллективе, в трамвае, на лестничной клетке, в обществе в целом. Я отвечаю за все. Если не я, то кто? Как правило, день начинается с вопроса «Что делать? Этот вопрос сопровождает человека всю жизнь и не дает ему покоя до тех пор, пока борьба за торжество идеалов не доведет до конца по пути самосожжения. Страданием все очищается. Конь блед.

Критерии нормативного соответствия эталонам того или иного типа социальности определяются не столько предметным содержанием действия, сколько тем, как оно делается. Человек антирыночного этоса может не просто хорошо работать – он может работать, как зверь. Он может и любить, как зверь, а потом каяться с ангельской кротостью и смирением. Царь и раб, червь и бог в одном лице...

Несколько проективных ситуаций покажут дифференциацию этических критериев в деле. Ночь. На улице – ни души. К пешеходному переходу приближается гражданин «рыночного» типа. Светофор являет красный сигнал. Автомобилей нет. Что делать?.. Этот хрестоматийно русский вопрос никогда не возникает у человека, чьи правила жизненной игры сформировались в рыночной системе пове-

дения, потому что рынок – это не просто свободная купля-продажа, а прежде всего неукоснительное соблюдение правил даже тогда, когда, казалось бы, их можно нарушить без всяких последствий. Все равно нельзя. Запретельные вопросы, связанные с последними причинами, здесь отвергаются как нелегитимные. Не положено... Человек же, руководствующийся рефлексиями над вопросом «Что делать?» в плане судеб русской революции и перестройки, даже не взглянет, какой сигнал горит на табло светофора. Этот сигнал для него не значим, значимы иные обстоятельства и императивы: милиционер, «с толпой можно...». Именно здесь начинает работать этика утилитаризма – можно все, что мне в данный момент кажется полезным, хотя в качестве всеобщего закона такая схема поведения неприемлема. То же самое: когда я ворую – хорошо, когда ты воруюшь – плохо.

Другая ситуация. Пассажир едет один в купе, имея билет на не очень удобное место. Может ли он занять то свободное место, которое ему нравится? Рыночная этика безукоризненного выполнения обязательств запрещает это делать, поскольку куплено место, указанное в билете.

Третья ситуация. Ученики пишут контрольную работу. Один, который от природы плохо соображает, просит своего друга помочь в решении задачи. Отказать товарищу означает свинство в одной – коллективистской – системе координат и проявление честности – в другой. Американская школа регламентирует такую схему поведения технически: как правило, оценки выставляются не в балльной (уровневой) системе, а в рангах – на первом месте один, на втором – один, на последнем месте один. Двое не могут занять одно место, и кто-то должен уступить сильному.

Преимущество «рыночных» целерациональных схем поведения заключается в их эффективности и технической машинообразности нормативного регулирования. Моральные – нерациональные – императивы воспринимаются здесь как экзотическое, не всегда только забавное юродство и патология. Беда в том, что такая схема исключает из себя не только положительные нравственные деяния, но и безнравственные: обманывать не плохо, а невыгодно, неэффективно. Каждый человек стоит столько, за сколько его покупают, потому что всякие разговоры о самодостаточности добра нелегитимны, например: толковать о том, что совесть не продается, бессмысленно, ее и так никто не купит.

Таким образом, в качестве главного измерения «рынкофилии» и «рынкофобии» я мог бы предложить оппозицию целерациональной и ценностно-рациональной схем поведения. Целерациональность интерпретируется, конечно, по Веберу, как техника, безразличная к моральным ценностям. Поэтому в расколдованном мире технических схем поведения нет и не может быть морали в том запредельном смысле, когда слова о блаженстве «плачущих, кротких, милостивых...» воспринимаются как подлинные.

Второй этап экспертизы

Вопрос о классификации нравственных конфликтов предполагает обсуждение оснований, на которых она строится. Вероятно, в советском обществе происходит конфликт двух способов нормативной регуляции поведения: их можно назвать традицией и инновацией – авторы Проекта в этом совершенно правы. Рыночные схемы поведения выступают в роли инноваций лишь в той степени, в какой они переходят из статуса маргинальных в статус институциональных. Например, спекуляцию (скупку и продажу с целью наживы) нельзя считать в нашем обществе инновацией – спекуляция известна со времен Анны Иоанновны, когда были предприняты первые попытки регулировать цены указанием начальства. Предстоящая декриминализация указанного состава означает, что запрещенная схема поведения легитимизируется. Таким образом, данный конфликт являет собой вытеснение традиционных схем нормативной регуляции маргинальными и нелегальными. Это можно было бы назвать деморализацией общества, но о морали как извечном столкновении долга и склонности здесь говорить неправомерно. Один вид техники замещает другой, казалось бы, устаревший. Вообще, судить о большей моральности рынка и «рынкофилов» надо с осторожностью. Ничего хорошего в рынке, конечно, нет, разве только все остальные способы регуляции общественной жизни влекут несравнимо большее число бед. Конечно, можно возвысить склонность до долга, декларировать труд в качестве молитвы и объявить спасение души эквивалентным эффективному мирскому служению. Но все-таки в идее мирской аскезы положено некое замедленного действия противоречие. Аскеза «рыночного человека» не автономна, потому что привязана к своему предмету. Мирской аскет – бизнесмен – может вызывать симпатию и уважение, но смысл его служения заключается в эффективности преобразования мира. Такого человека нельзя, например, любить, потому что любовь

(в христианском смысле) – не то, что входит в поле его преобразований. Ему нужна эффективная любовь, например, секс и дружба (говоря словами Лазарсфельда и Мертона, дружба для него – это социальный процесс). Д. Карнеги – эталон бизнесмена – демонстрирует стопроцентное попадание в суть проблемы: «Как приобретать друзей?..». До такой оптики нельзя дорасти, ее надо иметь изначально. Можно, конечно, в духе «Протестантской этики» объявить «гомо фабер» – человека преобразующего – моральным, но тогда мораль превратится в средство разрушения мира. Вместе с миром «бизнесмен» разрушает и самого себя – посмотрите на них, этих до омерзения счастливых людей! И не положена ли в «мирской аскезе» идея социализма, который, конечно же, вырастает из сект и партий, созданных реформационным менталитетом.

Третий этап экспертизы

Выработка консенсуса – коль скоро она возможна – означает победу целерациональной схемы поведения. Даже сам факт участия «почвенников», «традиционалистов» и вообще «партейцев» в консенсусе-сделке означает принятие ими этих ненавистных им правил игры. Компартия фактически разрушила себя, допустив свободные выборы и завоевав большинство мест – ее попросту обманули. Торговля «рынкофилов» и «рынкофобов» означает победу «рынкофилов» даже тогда, когда они будут кормиться с руки нуворишей – «рынкофобов». Бред какой-то!

В конструктивном плане наиболее оптимален диалог об «этике бизнеса» как технике делания денег. Аргумент заключается в том, что честная игра возможна здесь только при свободном рынке, насыщенном товарами. Тогда начнет выигрывать не оборотистый проходимец, а бизнесмен-профессионал, для которого обманывать невыгодно. Этика бизнеса создается не на пустом месте, а самим бизнесом, конкуренция справедлива при игре без блефа. Однако формирование делового менталитета проходит через коррупцию, девиантное поведение и массовую деморализацию. Маркс был прав по крайней мере в одном: на этом этапе один русский стоит трех евреев.

Однако не исключено, что оппозиция свободного рынка и тоталитаризма – видимость. Гитлеризм и сталинизм похожи на логическое завершение той линии развития европейской «сциенции», которая явила себя в идеологии Просвещения. Не случайно весь цивили-

зованный мир приветствовал успешное построение социалистического общества в СССР, «несмотря на отдельные недостатки», а затем замер от ужаса, как бы увидев свое отображение. Целерациональный «этик» расколдованного мира никогда не остановится в изумлении перед Его творением и не задумается над тем, имеет ли он право преобразовывать действительность, какой бы несовершенной та ни казалась. У Христа нет ни слова о морали, зато цивилизация готова распространить моральные оценки на все, что ей показалось целесообразным. И не исключено, что человечеству еще придется расплатиться за «этику активизма», за мирскую аскезу, за Освенцим и еще много за что.